

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/519/16

Трудовое самосознание рабочих Русского Севера второй половины XX в.

Анна Сергеевна Столетова^{1, 2}

¹ Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия

² Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

^{1, 2} Stoletova-A-S@yandex.ru

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников и материалов периодической печати, проводится анализ переформатирования отношения советских граждан к труду на протяжении периода 1950–1980-х гг. Обозначается, что ввиду становления властно-собственнических позиций среди управленцев и распорядителей ресурсов, усиления дифференциации советского общества ментальные и ценностные установки дрейфовали в сторону утверждения портретов управленческих компетентностей, все более отвлеченных от пролетарских ценностей и базирующихся на личных связях, политической лояльности, возможности оперирования капиталами.

Ключевые слова: общественное сознание, менталитет, мировоззрение, рабочая повседневность, быт, труд, социальная жизнь, экономические факторы

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938.

Для цитирования: Столетова А.С. Трудовое самосознание рабочих Русского Севера второй половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 125–135. doi: 10.17223/15617793/519/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/16

Labor consciousness of workers of the Russian North in the second half of the 20th century

Anna S. Stoletova^{1, 2}

¹ Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Vologda, Russian Federation

² Vologda State University, Vologda, Russian Federation

^{1, 2} Stoletova-A-S@yandex.ru

Abstract. This article addresses the issue of the developmental vectors of public consciousness in Soviet society during the 1950s–1980s, specifically examining the peculiarities of its restructuring within the historical-cultural space of the Russian North. The study aims to identify the characteristics and socio-economic aspects of the perception of life and everyday realities that contributed to the transformation of the emotional-psychological foundations of worldview, work ideals, orientations, standards, norms, and aspirations during a period of profound mental transformations in the second half of the 20th century. The circumstances surrounding metamorphoses in ideological attitudes and thought stereotypes are discussed, and the question of the exercise of state authority and deviations in the sphere of labor is raised. In accordance with sources being introduced into scholarly circulation, the prevailing types of aspirations among representatives of grassroots structures within the productive society and the extra-productive sector (among managers and resource administrators) are documented. Particular attention is paid to people's reactions to situations associated with the accelerating process of increasing abuses of official position and deviations in the labor sphere, accompanied by a widening gap in financial opportunities, privileges in leisure and psychological comfort, and declining motivation for labor and activity for the benefit of the state and the authority representing it. The novelty of the research lies in the author's demonstration of the modernization of consciousness traits both within the corporation of the regional production subsystem's leadership echelon and among representatives of work collectives. A distinctive feature of the investigation consists in the utilization and comparison of all-Russian and regional data. It is revealed that during the period under study, the commercialization of life manifestations gained momentum, and the formation of private-property morality occurred. The source base of the study comprises archival materials from the collections of the Russian State Archive of Contemporary History, the State Archives of Arkhangelsk and Vologda Oblasts, as well as the regional press. Within the framework of this problematic, the application of sociocultural and systemic approaches proves compelling, predetermining the formation of a holistic, comprehensive view of the construction of transformational, modernizational, and evolutionary processes in the mentality of Soviet society in the second half of the 20th century.

Keywords: public consciousness, mentality, worldview, everyday work, life, labor, social life, economic factors

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00938: Vectors of the Evolution of Public Consciousness in the Historical and Cultural Space of the Russian North in the Second Half of the Twentieth Century.

For citation: Stoletova, A.S. (2025) Labor consciousness of workers of the Russian North in the second half of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 125–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/16

Конструкция представлений о составляющих компонентах и особенностях менталитета производственной части общества – это в первую очередь осознание социального контекста, в котором формировалась целостная система ценностей, ориентаций и мотивации труда, пролетарского образа жизни. На настоящий момент проведенная серия глубоких исследований позволяет утверждать о социально-экономическом неравенстве [1, 2], бытовавшем в советском обществе, и выделении в его среде низового модуля [3] (рядовых тружеников, так называемых кадров массовых профессий), среднего управленческого персонала, передовиков, специалистов (рабочей аристократии), а также научно-технической интеллигенции и руководителей. Безусловно, в каждой из этих групп на раннем этапе, в эпоху «зрелости» и позднего социализма формировались особенные социально-духовные и социально-психологические характеристики ментальности сообразно изменению характера труда и трансформациям социалистического общества, но фиксировались и типизирующие качества. Говоря о производственном социуме, мы будем иметь ввиду непосредственно рабочих, задействованных в материальном производстве – промышленности и сельском хозяйстве (промышленные, сельскохозяйственные, лесозаготовительные, строительные, транспортные и т.п. коллективы трудящихся), и остановимся на трактовке черт общественного сознания и поведения, формирующихся относительно дефиниции «труд» в социальной среде низового сегмента производственных кадров.

Стоит признать, что отношение к труду в советском обществе – недостаточно освещенная тема в историографии. Однако есть масса изданий, посвященных ее отдельным аспектам. Исследования, касающиеся категории «труд» и отношения к нему в советское время, можно разбить на несколько групп. В первую очередь, это изыскания, проведенные в контексте изучения промышленности и рабочего класса [4–6]. Большая группа работ затрагивает проблематику тунеядства («дармоедства»), иждивенчества и социальной вредности «нетрудовых элементов» и отражения этих явлений в культуре и литературе [7–9]. Ученых интересует тема формирования общества потребления и ценностные ориентации советских граждан [10–13]. Большой интерес представляют исследования жизненного уровня, материальных и духовных потребностей рабочих отдельных регионов [14]. Определенную ценность представляют социологические исследования [15].

Что касается источникового ряда, исходя из анализа которого можно судить о развитии сознания, ментальности граждан, то изменение экономического устройства, переструктурирование общества, преобразование правового поля, уклада жизни, отношения к собственности (осознания собственности права) и в целом материального положения оказывали огромное влияние на социально-психологические особенности представителей производственной подсистемы

России. Самооценка и рефлексия происходящего, мнения и впечатления, самосознание, его изменение по отношению к официальной идеологии отразились в эпистолярном наследии, художественной и публицистической литературе, соцопросах. Особенно большой объем информации содержится в письмах рабочих, пенсионеров, инвалидов, участников военных действий, городских и сельских жителей, писавших в газеты и журналы, а также непосредственно в органы центральной власти. В этих документах представлены данные о поведении, взаимоотношениях людей в производственной и внепроизводственной сферах. Редакторами средств массовой информации, в коллегии которых поступали материалы, содержащие критику условий жизни, работы учреждений и органов, их руководителей как главных виновников переживаемых моментов, составлялись сводки типичных мнений и высказываний, которые впоследствии направлялись в надзорные органы. По многим из них проводились проверки. Однако единогласность и стандартизированность представленных фактов говорят о том, что ситуации, волнующие авторов, углублялись и усугублялись, что влияло на обобщенные представления людей. Таким образом, письма являют собой материал для ознакомления с настроениями и отношением советской общественности к проблемам повседневности.

Рабочая проблематика выступала одной из главных тем советской современности. «Сейчас происходят огромные изменения на селе. А наши литераторы сидят в городе. Да и москвичи могли бы приехать сюда. На целину едут, а сюда никто. Вчерашний хлебороб стал сейчас рабочим. У него и психология изменилась, с ним интересно поговорить. Да и со старушками тоже. Сейчас они, в первую очередь, расскажут о сыне – механизаторе, бригадире. Нужно чтобы литераторы глубже вникали в эти изменения», – отмечал Ф.П. Ширшов во время собрания писателей Архангельского отделения Союза писателей РСФСР 16 января 1961 г. [16. Л. 4]. Позднее писатель Д. Гранин на состоявшемся 20–22 апреля 1966 г. втором Пленуме Правления Союза писателей РСФСР (где присутствовал также вологжанин С. Викулов) акцентировал внимание на создании произведений, посвященных рабочему классу [17]. Литераторы стремились осветить с разных сторон трудовую и бытовую жизнь¹, при этом работали они в духе идеологической заданности и субъективности. Художественная литература раскрывала проблемы рабочего новой формации, принесшего в повседневную трудовую деятельность творческое горение, высокий профессионализм, самоотверженную устремленность в коммунистическое будущее. По большей части это были довольно сложные темы. Так, во время творческого отчета вологжанки Л. Славолюбовой и обсуждения ее рукописи «Бег огня» в 1975 г., автор отметила: «Работе над этой книгой отдано почти три года. Книга очерковая, основанная на подлинных событиях, с невымышленными героями.

Для меня эта работа была особенно сложна потому, что раньше не приходилось писать о металлургах – потому и ушло на сбор материала несколько больше времени, чем предполагалось сначала» [18. Л. 1]. Поэт Романов составил отзыв: «Книга своеобразна тем, что требует «вхождения» в нее. Тут есть своя философия, которую, может быть, не сразу улавливаешь... Нечто языческое, философское возникает при общении человека с огнем» [18. Л. 2].

Как правило, в сюжетах книг труженики вступали в непримиримую борьбу с мастером, обывателем, рвачом, для которого главное – собственное благополучие². Произведения интерпретировали взаимоотношения рабочих и технической интеллигенции, преемственность от поколения к поколению лучших традиций рабочего класса, рост классового самосознания, руководящей роли коммунистов³. Большинство художественных замыслов литераторов советского периода сводилось к анализу духовного и гражданского становления личности в процессе творческого одухотворенного труда. На те же идеи опирались региональные авторы. Вологодские писатели освещали деятельность работников промышленных предприятий, но более подробно затрагивали проблемы аграрного производственного коллектива. Подтверждая заданную риторику, отметим партийное собрание Вологодской писательской организации, состоявшееся 21 февраля 1975 г. Говоря о задачах, вытекавших из постановления декабрьского Пленума ЦК КПСС, литературовед В. Оботуров отмечал, что северным авторам необходимо активнее приобщаться к жизни трудящихся областей, отражать их успехи в выполнении государственных планов и обязательств, а также издать коллективный (совместно с архангелогородскими авторами) сборник, освещающих проблемы Нечерноземья⁴. На совещании обсуждалась проблематика злободневного современного очерка и актуальные вопросы современности [19. Л. 5, 6]. В продолжение темы уже на следующем собрании, поэт В. Коротаев заключал: «Практически участвовать в делах наших земляков – долг писателя. Советские писатели никогда не отреклись от дел на земле, а у нас на севере – в особенности. Вспомним очерки В. Тендрякова, А. Яшина, Ф. Абрамова – они сыграли свою положительную роль. Традиция подхвачена – наш социальный заказ подготовить книгу о проблемах Нечерноземья станет одной из прочных нитей связи с жизнью, с производством» [20. Л. 15].

К сказанному добавим, что художественная литература, как и воспеваемые ею идеалы, образы трудящихся, культура поведения, коммунистическая мораль, трудовое воспитание играют важную роль в раскрытии проблематики, связанной с анализом ментальности, социально-психологических особенностей производственных групп. Недаром, готовя выступление в Вологодском обкоме КПСС 7 мая 1966 г., критик В. Гура в своих записях подчеркнул: «Литература – это судьба человека, проблема человека и труда, личности и народа, рост активности его самосознания» [21. Л. 16]. В определенном смысле важен обзор документов

культурно-массовой отчетности библиотек и писателей, часто концептуально оформленных. Например, из материалов о деятельности библиотеки Березниковского леспромхоза Архангельской области середины 1950-х гг. мы узнаем: «Рабочий А.В. Соловко изучает произведения классиков марксизма-ленинизма. Поступил заказ от технорука лесопункта Устьявенга И.В. Сыроева на Устав леспромхоза, книги по технике безопасности на лесоразработках, по механизации лесосек и устройству лесовозных дорог» [22. С. 8]. Безусловно, без воспитания грамотности, развития эрудиции и добросовестного, сознательного отношения к выполнению трудовых задач мы не могли бы говорить о неоспоримом техническом прогрессе государства. Однако классические мировоззренческие подходы, лежащие в структурной основе произведений, отчетности и статистики, должны непременно учитываться, истолковываться и трактоваться на основе и в совокупности с данными иных вышеназванных источников.

Как писал исследователь А. Фокин историки, неудовлетворенные рамками больших нарративов, вынуждены по крупицам собирать осколки мировоззрения широких слоев населения. Одним из выходов является устная история, в том числе такие специфические источники, как анекдоты и частушки, выступающие маркерами народного взгляда на действительность. Смех и юмор использовали не только «низы» для сопротивления режиму или снятия идеологического давления, но и «верхи» для реализации своих целей. Умение шутить ставилось в заслугу советскому руководству. Обличались и высмеивались лодыри, тунеядцы, бюрократы, спекулянты как противники светлого будущего, а также все, что мешало продвижению вперед.

Председатель на трубе,
Счетовод на крыше.
Председатель говорит:
Я тебя повыше!⁵

Примечательно, что писатели-северяне, будучи выходцами из деревни, как отмечал А.Я. Яшин, знакомились с богатым русским фольклором не из книг, не из лекций и сборников, а из первоисточников [23. Л. 2]. Например, в произведениях В.И. Белова отражена эпоха крестьянского мира, жизненного круга, ритма, лада, неразрывно связанного с деревенским трудом, бытом и его освещением в устном народном творчестве:

Не браните вы меня,
Свою работу знаю я:
Жать, косить, коров доить,
В обе руки молотить!⁶

1960-е гг. породили огромный пласт народного юмора. До сознания граждан доводилась идея, что в коммунизм попадут не все, а билетом станет соответствие моральному идеалу грядущего завтра. Однако представление о светлом будущем вступало в противоречие с нарастающими урбанистическими процессами, экономическими и социальными диспропорциями, отсутствием продуктового разнообразия. Создавались

контрutoпии, в которых отражались не только жизненные неудачи, но и личные качества руководителей [24]. И так, при попытке власти закрепить в сознании населения коммунистические идеи в мировидении населения создавались собственные схемы и идеологические оценки. Юморе помогал выходить из трудной ситуации, однако пути преодоления кризисных этапов часто завершались тупиком, порождающими подавленность и угнетенное состояние.

Пятилетка, пятилетка,
Немолоченая рожь,
Из-за этой пятилетки
В сыру землю уйдешь⁷.

Тем не менее власть уделяла большое внимание вопросам укрепления трудовой дисциплины и методам мотивации к труду. Одно из центральных мест занимало укоренение представления о целенаправленности каждого действия советского человека, приближающего страну к достижению цели построения коммунистического общества. Показательно в этом отношении стихотворение «Гвозди» поэта А.А. Сухарева, в котором автор демонстрировал нормы поведения людей, противопоставляя личные нужды общественным, отрицая мелкие хищения, демонстрируя установление новых форм и фундамента общественной жизни (советского образа жизни).

Велась направленная работа по упрочению в представлениях людей рабочего ритма, связанного с высокими показателями в своей деятельности. Внедрение на заводах обмена передовым опытом, его обсуждения на совещаниях партийного и профсоюзного актива, организация «стахановских вечеров», где обычно участвовали не только рабочие различных профессий, но и начальники цехов, главный инженер и директор предприятия [25], способствовало воспитанию рабочего коллектива в духе сознательного, социалистического отношения к выполнению своих трудовых обязательств. Среди низовой части производственного социума крепло понятие и осознание невозможности осуществления быстрого перехода к «новому миру». Утверждалась идея о достижении общественного блага через упорство и труд, которые должны были перерасти в потребность. Для успешного выполнения и перевыполнения производственных заданий, укрепления желания трудящихся работать выпускались соответствующие плакаты, газеты, «Боевые листки» [26], на это была направлена лекционная пропаганда, деятельность агитколлективов, школ ФЗО и др. [27]. Конечно, это давало свои плоды. Так, Г.А. Сапогов, рабочий инструментального цеха вологодского завода «Северный коммунарь», работающий в учреждении с 1930 г., в течение 25 лет имел следующую характеристику: «Все у него получается просто, легко, даже красиво. Ни одного лишнего движения, напрасного оборота станка – каждый взмах руки, поворот головы рассчитаны, оправданы. Именно поэтому на столе быстро растет стопка готовых втулок. К концу смены почти в полтора раза выполнена норма выработки» [28].

Как известно, в советский период на большинстве производственных предприятий проводились соцсоревнования, принимались соцобязательства, чествовались

лучшие коллективы и новаторы. В газетной периодике отложился большой массив заметок о деятельности проводников технического прогресса (см., например: [29]). Представители трудовых бригад заявляли, что желают работать, учиться и жить по-коммунистически. Интересно проследить, что понималось под указанным образом жизни: «Это значит ежедневно перекрывать сменные задания, не допускать брака, быть примерным в быту, повышать свои знания, совершенствовать мастерство» [30]. Так, бригада З. Кораблевой на вологодском Лынокомбинате в честь предстоящего XXI съезда КПСС приняла на себя следующие обязательства: выполнять технически обоснованные нормы выработки; избрать форму учебы и настойчиво повышать знания; экономить сырье и вспомогательные материалы; содержать в образцовом порядке рабочие места; принимать активное участие в общественной работе, художественной самодеятельности, спорте; соблюдать нормы поведения в быту и на производстве, проявлять взаимовыручку и взаимопомощь [31]. То же читаем в обязательствах бригады А. Будилова, работавшей в Бекетовском лесопункте Митинского леспромхоза Вожегодского района (в 1960-е гг. – Харовский район) Вологодской области и включившейся в соревнование за досрочное выполнение плана лесозаготовок за 1963 г.: «Будем работать и жить по-коммунистически, совершенствуя технологию производства, внедряя передовые методы труда повысим общеобразовательный и политический уровень, овладеем смежными профессиями» [32].

В письме за 1961 г. в редакцию газеты «Вологодский комсомолец» от Т. Куликовой, З. Раковой – рабочих вологодской швейной фабрики – демонстрируются фигуры рабочих, объединенных общей коллективной трудовой идеей, совместным сплоченным времяпрепровождением, образом жизни, основанном на принципах коммуны: «Один за всех и все за одного – это наше основное правило. Заболела Вера Халявина, но машина ее не простаивала. Работали все по очереди, потому что каждый может выполнять сразу несколько операций. В бригаде осуществлена взаимозаменяемость по профессиям. Мы вместе стараемся проводить свободное время, ходим в кино, театр, на учебу. Это сближает и сдруживает нас. Мы идем на работу как к себе домой, в свою уютную квартиру. Планы не только выполняем, но и почти каждый месяц перевыполняем. Часто получаем премии. Их не делим между собой, как это делается во многих бригадах, а складываем в общественную копилку» [33]. Заслуживает внимания факт, что трудовые коллективы, в которых не было единения, подобного описанному, высказывали обеспокоенность, желание устранить негативные факторы разобщенности. «Посмотришь иногда, как другие бригады живут. Они и в кино, и в театр, и на учебу – все вместе. А у нас в свободное время каждый устраивается как может. И не то, чтобы не хотели, просто как-то организоваться не можем. Очень трудно говорить плохое о коллективе, в котором ты работаешь, за который болеешь всей душой», – говорилось в письме от 1961 г. с Вологодской швейной фабрики, адресованном редакции газеты «Вологодский комсомолец» [33].

Таким образом идеологически типизировался героический образ самоотверженного, увлеченного коллективным трудом, технически грамотного и разносторонне развитого патриота-труженика. В контексте сказанного красноречив плакат времен строительства предприятия «Аммофос-3» в г. Ямбург Ямало-Ненецкого автономного округа:

Бригада должна жить по правилу: один за всех и все за одного...

А это значит – не отказываться ни от какой работы, выгодная она или невыгодная, тяжелая или легкая, браться за нее с охотой – словом, относиться к труду как к потребности и радости;

Считать так: один лодырь – позор для бригады, один прогул – пятно на всех.

Один допустил брак – беда для всего коллектива; Во всяком деле проявлять смекалку, думать, как сделать лучше;

Видишь сосед отстает – помоги.

Сам не можешь сделать, обратись к товарищу.

Свои знания и опыт не держи в кубышке, а дели на всех.

Есть свободная минута – бери в руки книгу.

Обидели на твоих глазах человека – и ты виноват.

Уважай старость на улице, дома, в семье [34.

С. 66].

Большинство из этих заветов современному человеку уже малопонятны и, скорее всего, вызовут критику позиций, а для людей того времени это реалии бытия, трудового воспитания, повседневности.

Стоит отметить агитационную литературу, блокноты, брошюры, где помещались рассуждения о совести, о людях-рационализаторах, новаторах, квалифицированных станочниках. Работали такие люди «с огоньком, творчески, с усилиями, упорством и терпением... Партийная совесть не позволяла им равнодушно видеть недостатки» [35. С. 133–143]. Вновь поступающим передавались не только прогрессивные технологические приемы, опыт и знания, но и рабочие традиции, навыки отношения к труду, как к первейшей жизненной потребности. В 1973 г. мастер участка шлифовки шарикового цеха Вологодского ГПЗ-23 (Подшипниковый завод), председатель цехового комитета профсоюза Н. Алферьев высказался так: «Рабочая совесть», – это осознанность своего места и роли в процессе общественного производства, которая и выдвигает рабочего на передний край борьбы за построение коммунизма. Настоящая рабочая совесть воспитывается и выковывается в труде повседневном, творческом, вдохновенном. И если мне вновь придется говорить о смысле и содержании увлеченного труда, я снова расскажу о рабочих нашего цеха – неуспокоенных, объединенных общей целью – дать продукции больше, лучшего качества» [36].

О праве на труд, его важности и необходимости рассуждал в 1973 г. наладчик Б.А. Шаров Вологодского подшипникового завода: «Говорят, – твоя трудовая семья. Правильно говорят. Возьмите меня. Жена, Клавдия Николаевна, – здесь трудится, копировщицей. Брат Леонид, – тоже здесь на ГПЗ, он наладчик. Еще брат – Василий: он пока в Москве. Стажируется. Чем

тебе не династия? Вот, в газете иногда прочтешь: “на заботу, мол, государства ответим делом”. Вроде, призыв. А я, думаю, что нас и призывать не надо. Сами понимаем. Утром как идешь по проходу, да как услышишь, басит наш элеваторный, верите, нет, аж душа радуется. Горы бы свернул. Так что слова про радостный труд правильные» [37]. Подобных писем от людей, верных своему делу, относящихся к нему с душой, с рабочей честью, целых трудовых династий было довольно много. Трудовая активность, вызревшая из крестьянского сознания, базирующаяся на идее не только о пользе, но и радости от рабочей деятельности ложилась в основу культуры производства.

Показательна идеологическая работа, проводимая на крупнейшем льноводческом предприятии Европейского Севера, где было развернуто движение за коммунистическое отношение к труду, в котором в 1974 г. участвовало 3 600 человек. Из 116 бригад Вологодского льнокомбината, борющихся за звание «Коллектив коммунистического труда», десять добились этого почетного звания. На комбинате были внедрены такие формы соревнования, как «Мастер – золотые руки», «Лучший рабочий своей профессии», «Лучшей молодой рабочий», «Ветеран труда». Здесь же особое внимание уделялось развитию различных форм участия рабочих в управлении производством: рабочих собраний, постоянно действующих производственных совещаний, общественных конструкторских и экономических бюро, товарищеских судов, общественных отделов кадров. Была создана и внедрена система морального и материального поощрения передовиков производства и система мер воздействия на нарушителей [38]. Газетная периодика идеологически заточена. Однако ее анализ целесообразен для понимания полной картины об укладе и образе жизни советских тружеников. Завершая обсуждение искомого понятия, отметим трактовку советского образа жизни, представленную в газете «Красный Север» за 1973 г.: «Образ жизни – это целый комплекс, в который входят не только понятия о том, как мы трудимся, как отдыхаем, учимся, но и как мы относимся к товарищам, к чему стремимся, как оцениваем те или иные события. Образ жизни можно проследить на любой ячейке общества: в семье, бригаде, на предприятии. Возьмите любую из этих ячеек, и в ней, как в капле воды, отразится весь наш жизненный уклад» [37]. Электрик Вологодского подшипникового завода Владимир Ф. Максимов, он же депутат горсовета, трактуя понятие «образ жизни», отмечал роль особой сознательности: «Не считайся со временем, дай станку всю заботу, а уж он тебе потом отработает. У нас в цехе рабочие – кто из Сокола, кто из Харовска. Разный народ. Но теперь – одна семья. Здесь многие вышли в люди. Как положено – по-советски» [37].

Итак, советский образ жизни – это сочетание социальных и моральных факторов: симбиоз любви и уважения к труду, коллективизма и товарищества, сознательности, дисциплины, мастерства и знаний, созидательной деятельности, общественной активности [39]. Обычно все эти качества аккумулировал идеалистический портрет руководителя, бригадира, мастера. Именно такой изображен в газетной заметке от 1969 г.:

«Мастер – это тот человек, который воспитывает у рабочих чувство гордости за свою профессию, за свой завод. Мастер обязан находить дорогу к сердцу каждого рабочего. Знать его настроение, заботы. Чего всячески необходимо избегать, так это нотации, накачек. Ведь всегда можно прямо, по-товарищески сказать и о недостатках, наметить пути их устранения. Хорошо, если мастер в своей работе опирается на весь коллектив» [40]. Еще одно из описаний личностей бригадиров, на черты и качества которых стоило равняться, можно прочесть в газете «Советская Россия» за 1979 г. В ней говорится о бригадире треста «Вологдасельстрой» М.А. Бубякине. В передвижной механизированной колонне «Не так, как у других? Да, зато все работают за троих!» Михаил Александрович построил за свои трудовые двадцать два года сорок многоквартирных домов, десяток школ и детских садов, несколько животноводческих помещений, магазинов, клубов. Говорит отрывисто, рублеными фразами, «словно кирпичи кладет один за другим» [41]. Или фигура наставника молодых рабочих. В «Политической агитации» за 1980 г. представлен образ общественно активного человека, «обращающего в свою веру» тех, для кого еще не стали кровными коллективные дела» [42].

Итоги проведения открытых партийных собраний с повесткой «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически» были подведены на заседании бюро Вологодского обкома КПСС 28 апреля 1980 г. и за подписью первого секретаря Вологодского обкома А.С. Дрыгина направлены в Центральный комитет КПСС. Отмечалось предъявление высоких требований к хозяйственным руководителям и выборным партийным органам в отношении организации четкой, слаженной работы всех звеньев производства и управления [43. Л. 153–154]. Между тем процессы усиления частнособственнических интересов, социального расслоения, развития права пользования социалистической собственностью существенно влияли на эволюцию спектра линий ценностных ориентаций и модернизацию трудовых отношений. Трудовая идеология как идеология аскезы и мобилизации, власти традиций, коллективизма и коммунальности, уравнительности сохранялась дольше всего у низовой производственной части общества, но и она постепенно разрушалась ввиду становления новых архетипов представителей управленческого сектора. Под воздействием жизненных метаморфоз материальная составляющая начала оказывать существенное влияние на усиление антогонизма и стала причиной раскола, размежевания производственных групп. В исследовании В.Я. Ядова «Человек и его работа» [44] труд представлен как важнейшая и первейшая потребность советского гражданина. Основной вывод исследования состоял в том, что содержание труда мотивировало сильнее, чем заработок. Однако правомерен и вывод о том, что размер зарплаты связывался с личностью руководителя, его отношением к работнику и отрицательно влиял на трудовую дисциплину. Некоторые хозяйственные руководители допускали нарушения в установлении разрядов. Такие факты имели место на Череповецком металлургическом заводе в первой половине 1960-х гг.: в отделе

снабжения незаконно были завышены разряды 89 работникам и установлены вместо 4–5-го разрядов 6–7-й разряды, 59 плотникам вместо 4–5-го разрядов установлены 6-й и 7-й разряды. Аналогичные нарушения имели место на инструментальном участке вологодского завода «Мясомолмаш», где большинству слесарей были установлены 5-е разряды, вместо 3–4-х разрядов [45]. Безусловно, подобные явления негативно сказывались на рабочей атмосфере и эффективности деятельности трудового коллектива. Все же поощрение труда, его признание со стороны руководства являлось мощным стимулом к реализации поставленных задач, утверждению в стремлении посвятить себя профессии. «Любое внимание человеку приятно. Когда в 1954 г. за хорошую работу мне подарили патефон, я поняла: мой труд ценят. Когда присвоили звание ударника коммунистического труда, было желание работать лучше. Когда вручили орден “Знак Почета”, я почувствовала себя должником перед людьми», – размышляла А.И. Голубева, мотальщица Вологодского льнокомбината [46]. И, наоборот, лица, записанные в передовики на «пожизненный» срок, вызывали в общественном поле неприятие и, как следствие, порождали неверие в справедливость, что также способствовало подрыву духовных скреп советского общества, росту идей о неравенстве, антагонистических черт в сознании трудящихся, противопоставлении рабочих групп и отдельных индивидуумов. Подобную проблему в 1973 г. описывал старший мастер литейного цеха вологодского завода «Северный коммунар» А. Менькин: «Один из рабочих как-то сказал: “Я здесь двадцать лет работаю. И все двадцать лет в числе лучших называют одни и те же фамилии. От такого морального поощрения, конечно, пользы немного. Ведь смысл соревнования заключается в том, чтобы человек видел, что он находится под постоянным вниманием, что его труд будет замечен и достойно оценен. И если даже “средний” рабочий в какой-то день сумел добиться рекордной выработки, почему бы не выпустить “молнию”, не оповестить об этом весь коллектив?”» [47]. О необходимости правильного сочетания моральных (вручение переходящих вымпелов, выпуск «молний») и материальных стимулов, принципов премирования, морального климата, объективной оценки труда высказывались в газетной хронике за 1973 г. и другие рабочие цехов «Северного коммунара». Все они отмечали недостатки организации и эффективности социалистического соревнования [47]. В серии выступлений на открытых партийных собраниях, проведенных в Вологодской области в 1980 г., содержались предложения и рекомендации по совершенствованию стиля и методов партийной работы. В частности, бригадир строительного управления объединения «Вологдотяжстрой» М.А. Малов и оператор валочной машины ЛП-19 Белозерского леспромпхоза В.Р. Виноградов говорили о необходимости сокращения числа проводимых совещаний, заседаний и усиления работы парткома, партактива в бригадах, на рабочих местах [43. Л. 154].

В 1970–1980-е гг. в письмах и информации общесоюзного значения, газетных заголовках все чаще встречается дефиниция «утрата ответственности».

Это отступление от норм трактовалось как нарушение трудовой и государственной дисциплины, непартийное поведение, стремление к собственному благополучию и личному потреблению, неисполнение воспитательной и агитационной работы, бездействие парторганизаций, приводящие к снижению морального и творческого настроения в коллективах, терпимости в отношении недостатков и нарушений, невыполнению планов и обязательств [48]. Добавим, что на психологическом фоне и трудовой активности представителей рабочего класса отражались проблемы снабжения региона продовольственными товарами.

Например, рабочий г. Котласа Архангельской области гражданин Замятин писал в 1955 г. в ЦК КПСС о недостаточном снабжении города продуктами питания и товарами первой необходимости: «В магазинах в продаже имеется только рыба треска низкого качества, и той месяцами тоже не бывает, еще можете увидеть селедку, а что касается мяса, то оно бывает в продаже не больше 5–7 раз в год и самого низкого качества, и того рабочий не может купить, нужно простоять в очереди до пяти часов, да еще ежели работаешь оба с женой, придешь – все уже распродано, а на рынке мясо говядина стоит от 24–27 руб. кг, а свинина от 27–30 руб. кг, поэтому не по рабочему карману, ну и живи как хочешь... а руководство города не волнует это плохое обеспечение» [49. Л. 87]. «В продовольственных магазинах г. Харовска Вологодской области невозможно приобрести мясо, яйца, овощи и фрукты. И это в Вологодской области, которая всегда была известна своим маслом! Нередки срывы и с хлебными продуктами. Несмотря на то, что в городе имеется головной молокозавод, на прилавках молочного магазина нет кефира, сливок, а творог бывает редко и низкого качества», – указано в сводке писем газеты «Правда» за 1972 г. [50. Л. 16–17].

Примечательно, что если рабочие «низы» критиковали руководящее звено, то и, наоборот, «верхи» указывали на мировоззренческие свойства и девиации поведения, подлежащие, в их понимании, искоренению в народной среде. Здесь важно вновь сказать о принципах жизни, их метаморфозах. Под воздействием экономических и политических механизмов, через систему общественных наблюдений за модуляциями бытия, фиксацию разницы возможностей и представлений общественных классов и групп, прогресс единоличных стремлений и собственнических тенденций общественные идеалы во всех частях социальной пирамиды приобретали новые грани. Работники лесной промышленности Архангельской области в 1950-е гг. сообщали в ЦК КПСС о массовых простоях людей и машин на лесоразработках, а следовательно, о снижении зарплаток [51. Л. 51]. В 1968 г. рабочими Вологодского вагонного депо поднимался вопрос трудовой дисциплины: «Перекуры, опоздания на работу – эти и другие факты ещё не изжиты. Они отрицательно сказываются на производительности труда, приводят к растрате времени» [52]. На одном только Вологодском льнокомбинате в 1968 г. комсомольцы совершили 91 прогул. Дело доходило до печальных курьезов: из-за нехватки рабочих пришлось встать к станкам даже работникам

управления комбината. Вырисовывалась следующая картина: большие потери рабочего времени, простой механизмов, захламленность рабочих мест. Вслед за этим сформировалась отнюдь не радостная статистика: в первом квартале 1968 г. 4 предприятия г. Вологды не выполнили производственный план, во втором их было уже 7, в июле – 9, в августе – 10. В их числе заводы «Мясомолмаш», «Ремсельмаш», литейно-механический и т.д. Особенно много нарушений дисциплины совершили начинающие рабочие, семнадцати-восемнадцати лет. Процесс «врастания» их в трудовой коллектив отличался большой сложностью [53]. Постепенно ввиду жизненных метаморфоз и социально-экономических трансформаций положение усугублялось. В 1973 г. на Вологодском подшипниковом заводе по вине прогульщиков, пьяниц, бракоделов были потеряны две тысячи человеко-дней (единица учета отработанного времени, равная одному рабочему дню) [54]. «За прошлый год на заводе допущено 2 479 человеко-дней прогулов и 6 847 человеко-дней неявок с разрешения администрации. За это время можно было бы отремонтировать 40–50 вагонов различных марок, или 11 тысяч колесных пар. Словом, выпустить дополнительной товарной продукции на 250 тысяч рублей», – сообщал в 1974 г. М. Увалентов, бригадир термистов Вологодского вагоноремонтного завода [55].

В значительном количестве писем в газеты и органы власти отмечены случаи, связанные с необходимостью применения мер воздействия к недисциплинированным работникам, активизации борьбы с тунеядством и разгильдяйством, так называемыми летунами, ввиду разрастания данных явлений [56. Л. 42; 57]. Среди главных недостатков фигурируют проблемы численного и содержательного плана пропагандистской работы (отсутствие лекций о коммунистической сознательности и коммунистического отношения к труду, отрыв от действительности, недостаточная освещенность деятельности передовиков). О противоречии дискутировали как начальники производств, так и представители различных специальностей. На партийном собрании в шлифовально-сборочном цехе ГПЗ-23 коммунист А.С. Маганов высказался о том, что в воспитательной работе не хватало бригадной силы рабочих собраний, работы наставников в борьбе с пьянством, прогулами, усиленных административных мер воздействия [58. Л. 154].

«Наш цеховой профсоюзный комитет четырнадцать раз собирался только для того, чтобы обсудить прогульщиков. Да, при такой постановке дела у нас в цехе не должно быть не только прогульщиков, но и ни одной потерянной рабочей минуты вообще. А между тем прогулы в цехе продолжаются», – возмущался токарь завода «Северный коммунар», член Вологодского горкома КПСС В. Пигин в заметке, помещенной в «Красном Севере» за 1983 г. [59]. Как раз в 1983 г. Политбюро ЦК КПСС подписало Постановление «О фактах необоснованного отвлечения трудящихся с производства», направленное на укрепление трудовой дисциплины.

В системе мероприятий по повышению роста производительности труда предписывалось внедрение бригадной формы организации и стимулирования труда, совмещение профессий, внедрение научной организации и сокращение ручного труда [60].

В 1987–1988 гг. Институтом социологических исследований АН СССР, Академией общественных наук при ЦК КПСС и другими были проведены социологические опросы, выявившие неоднозначное восприятие идей перестройки, что негативно влияло на общественное сознание и подрывало веру людей в успех. В целом же на данном этапе начался процесс усиления реалистичности восприятия социальной действительности. Однако большая часть рабочих высказывалась о бесхозяйственности, ослаблении дисциплины труда, недостатках в техническом перевооружении производства, неудовлетворенности материальным стимулированием, несправедливости в распределении социальных благ. Уровень производственной активности рядовых и руководящих работников постепенно снижался. Материалы исследования говорили о широком распространении отчужденного отношения рабочих и колхозников к производству. Только 14% в полной мере чувствовали себя его хозяевами, причем у рабочих промышленных предприятий и строительства в сравнении с сельскими тружениками это чувство оказалось слабее. Многие рабочие госпредприятий относились к земле и технике как к чему-то чужому. Мотивация к труду была чрезвычайно низкой. Участвующие в опросах признавались, что работают с неполной нагрузкой. Кроме того, увеличивалась доля лиц, увольняющихся с производства из-за неудовлетворенности взаимоотношениями в коллективе [61. С. 93–96].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода в сознании рабочей когорты обозначился и усиливался дрейф в сторону увеличения материального поощрения производственной деятельности. Уже начиная с 1960-х гг. практически все социальные звенья советского общества были охвачены монетарной мотивацией к труду [62. С. 54]. Поэтому одним из важнейших вопросов, волнующих обывателей, являлось внесение корректив в систему зарплаты, которая, как показывают источники, к середине 1970-х гг. нуждалась в серьезном реформировании. В данной сфере устанавливались свои негласные законы и обычаи. Выступления против многих из них присутствуют в письмах. Авторы сообщений в ЦК КПСС в целях экономии средств и совершенствования организации работы считали целесообразными к рассмотрению проблемы сокращения управленческого аппарата, упразднения лишних звеньев в министерствах, ведомствах, предприятиях, а также рационального распределения премиального фонда, устранения причин низкого уровня производительности труда и др.

Резюмируя, отметим, что в искомый период основной ячейкой советского общества продолжал оставаться производственный коллектив, а отношение к труду носило особый характер. Одними из базовых частей российской матрицы ментальности являлись идеи первичности правды (справедливости) перед законом, духовного перед материальным, общего перед частным, доброты перед предприимчивостью. Прежде всего, главным компонентом общественного сознания и идентичности считалось стремление к справедливости (национальное и социальное равенство). Пожалуй, именно данная доминанта создавала основу для дальнейшего стремления жить, трудиться в ожидании предстоящих перспектив. Коллективистское сознание на протяжении длительного периода воспринимало тяготы жизни как необходимые, неизбежные, что определяло массовую готовность терпеть дефицит товаров, отсутствие жилья или качественных условий жизни. Однако идеалы равенства, уравнилельной психологии, справедливости, коллективной пользы в течение 1950–1980-х гг. утрачивались (в сравнении с этапом раннего Советского государства). Набирала обороты коммерциализация жизненных проявлений, происходило становление частнособственнической морали. Это фиксирует источниковый ряд, применяемый в исследовании. Дело в том, что в среде хозяйственной элиты, номенклатуры уже в 1950–1960-е гг. зрели звенья латентного рыночного мышления. Кроме того, все отчетливее проявлялось усиление автономности директората предприятий от трудовых коллективов. В совокупности эти моменты подрывали корпоративное рабочее сознание, ставя рядового трудящегося в большую зависимость от руководства предприятия. Именно руководители производственных процессов распределяли премии, жилье, дефицитные продукты, путевки на курорты. Параллельно с этим менялся состав номенклатурных элит, постепенно превращающихся в закрытые элитарные группы, где люди не ставили групповые интересы выше личных. Кроме того, их отличали такие качества, как деловитость и предприимчивость. В это время актуализировались общественные противоречия, а идеологические и экономические стимулы переставали выполнять свои функции. Вызрела новая госидеология, возникало так называемое криптообщественное сознание, приведшие к востребованности самиздата и произведений-возбудителей общественного мнения (на Русском Севере – остросоциальной деревенской прозы). Скованность движения социальных лифтов вызвала разрушение представлений о справедливости, падал престиж труда, гуманизм и человеколюбие отбрасывались, особенно молодежью, видевшей в них препятствие к жизненному успеху, одновременно оседал престиж рабочих профессий и т.д. В связи с вызовами времени трансформированное коллективное сознание советского типа к 1980-м гг., испытав крупные метаморфозы, впало в глубокий кризис и практически разрушилось с распадом социалистической системы.

Примечания

¹ См., например: Преображенный Север : сб. / ред.-сост. В.М. Малков. Архангельск; Вологда, 1967. 200 с.

² См., например: Липатов В.В. Черный Яр: Сказание о директоре Прончатове; И это все о нем. М., 1977. 719 с.

³ См., например: Барышев М.И. Вторая половина года. 2-е изд. М., 1977. 383 с.

⁴ Об этом также см.: Викулов С.В. О такой большой работе: проблемы Нечерноземья в современной литературе // Нечерноземье – забота общая: проблемы литературы и культуры / сост. Е. Языкова. М., 1983. С. 15–35; Романов А.А. Поле нашей жизни // Нечерноземье – забота

общая: проблемы литературы и культуры / сост. Е. Языкова. М., 1983. С. 52–54; Белов В.И. Еще о нашей деревне: проблемы Нечерноземья // Призыв. 1981. 6 января.

⁵ См.: Белов В.И. Год Великого перелома. М., 1994. 471 с.

⁶ См.: Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. М., 1982. 293 с.

⁷ См.: Белов В.И. Час шестый. М., 1999. 319 с.

Список источников

1. Безнин М.А., Димони Т.М., Гулин К.А. Экономический строй России 1950–1980-х годов. Вологда : ВоГУ, 2021. 250 с.
2. Столетова А.С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 2(21). С. 17–21.
3. Столетова А.С. Низовой сегмент производственного социума России в 1950–1960-е гг.: источники по проблеме восприятия социально-экономического и политического неравноправия // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 233–248. doi: 10.28995/2073-0101-2023-1-233-248
4. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-пресс, 2003. 485 с.
5. Сагателян, И.Г. Советская промышленность: проблемы соревнования и мотивации труда (1960–1970 гг.). М. : Звездапад, 2001. 106 с.
6. Лебский М.А. Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М. : Горизонталь, 2021. 250 с.
7. Андреева Е.Ю. Труд и перекур в искусстве СССР 1940-х – начала 1960-х годов // Логос: философско-литературный журнал. 2019. Т. 29, № 1 (128). С. 233–242.
8. Воробьева М.В. Об альтернативном толковании труда и его репрезентациях в советском кино 1950-1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4(201). С. 84–92.
9. Дмитриенко Т.С. Труд и человек труда в литературе и искусстве // Человек труда и наука / отв. ред. Е.А. Лазарева. Ч. 2. Новочеркасск, 2022. С. 76–81.
10. Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117–131.
11. Метелева С.С. Трансформация ценностей: от советского человека к человеку общества потребления // Вопросы культурологии. 2013. № 1. С. 42–47.
12. Перцев В.А. Разработка и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950–1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 110–113.
13. Сеницын Ф.Л. Формирование «общества потребления» в СССР: идеологический вызов для власти (1964–1982 гг.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 84–94.
14. Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск : Новосиб. отд. изд-ва «Наука», 1984. 271 с.
15. Антонов В.Д. Самосознание советского рабочего как фактор трудовой деятельности : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1990. 18 с.
16. Государственный архив Архангельской области. Ф. 741. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–31. Протокол общего собрания писателей Архангельского отделения Союза писателей РСФСР от 16 января 1961 г.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 155. Л. 220–222. О втором пленуме правления Союза писателей РСФСР.
18. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-9645. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4. Протокол открытого партийного собрания № 4 партийной организации при Вологодской писательской организации от 28 января 1975 г.
19. ГАВО. Ф. П-9645. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7. Протокол № 5 открытого партийного собрания Вологодской писательской организации от 21 февраля 1975 г.
20. ГАВО. Ф. П-9645. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16. Протокол № 10 открытого партийного собрания Вологодской писательской организации от 21 июля 1975 г.
21. ГАВО. Ф. 5081. Оп. 1. Д. 195. Выступления на совещаниях в Вологодском обкоме партии, облисполкоме. 22 л.
22. Полуянов И.Д. Библиотека леспромхоза и ее читатели. Архангельск, 1956. 19 с.
23. ГАВО. Ф. 5081. Оп. 1. Д. 1443. Письма Яшина Александра Яковлевича Гуре В.В. 41 л.
24. Фокин А. «Обижается народ, мало партия дает» // Родина. 2012. № 3. С. 154–156.
25. Ермачков С. «Стахановский четверг» // Красный Север. 1950. 18 декабря. С. 4.
26. Волков Н. Начальник фабрики // Красный Север. 1952. 13 июля. С. 2.
27. Белоглазов Б.С. Кабинет политпросвещения на заводе. Вологда, 1960. 32 с.
28. Волков Н. Две трудовые книжки // Блокнот агитатора. 1963. № 22. С. 38–48.
29. Бураков А. Простой труженик // Красный Север. 1959. 5 июля. С. 2.
30. Савкин В. Рабочий человек // Вступление в жизнь. Вологда, 1959. С. 13–19.
31. Родичева М. Бригада коммунистического труда Зои Кораблевой. Вологда, 1960. 12 с.
32. Слово бригады А. Будилова // Красный Север. 1963. 17 января. С. 1.
33. Два письма на важную тему // Вологодский комсомолец. 1961. 28 марта. С. 2.
34. Помпеев Ю.А. Жизнь на виду. М. : Политиздат, 1983. 160 с.
35. Швецова Р. Настоящий коммунист // Мы строим коммунизм [сб. / ред. кол. К.Н. Гуляев и др.]. Вологда : Кн. изд-во, 1962. 351 с.
36. Алферьев Н. Рабочая совесть // Красный Север. 1973. 4 сентября. С. 2.
37. Жуков В. Постоянные спутники // Красный Север. 1973. 5 декабря. С. 2.
38. Жуков В. В единстве форм и методов // Красный Север. 1974. 7 декабря. С. 2.
39. Советский образ жизни // Красный Север. 1974. 7 декабря. С. 1.
40. Белоглазов Б. Наставники // Красный Север. 1969. 6 августа. С. 2.
41. Конищев Ю. Ключи для новоселья: Размышления бригадира о нравственной ответственности строителей // Советская Россия. 1979. 30 марта. С. 2.
42. Варюхичев А. «Обращать в свою веру!...» // Политическая агитация. 1980. № 4. С. 21–25.
43. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 72. Л. 153–155. Информация об итогах проведения открытых партийных собраний с повесткой «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически» в Вологодской областной партийной организации».
44. Человек и его работа: Социологическое исследование / под ред. А.Г. Здравомыслова и др. М., 1967. 392 с.
45. Хорошин Ф. Заработная плата на предприятиях // Красный Север. 1964. 18 февраля. С. 3.
46. Попов В. В труде – соперники // Красный Север. 1978. 1 апреля. С. 2.
47. Соревнование: почему не всегда оно эффективно // Красный Север. 1973. 18 сентября. С. 3.
48. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 267. Л. 76–77. Молчанов В. (корр. газеты «Молот»). Утрата ответственности. 1973. 3 июля.
49. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 86–94. Письма общего отдела ЦК КПСС за 1955 г.
50. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 275. Л. 12–20. Сводка о недостатках в снабжении населения продовольственными товарами первой необходимости.
51. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 285. Л. 47–59. Информация ЦК КПСС о характере писем и заявлений трудящихся, поступающих в ЦК КПСС.
52. Боковиков М. Цена рабочих минут: Рейд «Красного Севера» по цехам Вологодского вагонного депо // Красный Север. 1968. 28 апреля. С. 1.

53. Варюхичев А. Работяга? Нет, рабочий! // Вологодский комсомолец. 1968. 29 сентября. С. 2.
54. Задумкин Н. Время, время... // Красный Север. 1974. 6 августа. С. 3.
55. Увалентов М. Летунам – стоп! // Красный Север. 1974. 6 августа. С. 3.
56. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178. Л. 34–47. О поступающих в ЦК КПСС письмах трудящихся по вопросам экономики и бережливости в народном хозяйстве.
57. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 456. Л. 29–45. Справка по материалам исследования проблем борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни (тунеядство, бродяжничество и попрошайничество).
58. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 72. Л. 153–155. Информация об итогах проведения открытых партийных собраний с повесткой «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически» в Вологодской областной партийной организации».
59. Пигин В. Рабочее время – работе! // Красный Север. 1983. 12 января. С. 2.
60. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 412. Л. 1–2, 21–24. Копия записки отдела, информации министерств и ведомств о выполнении постановления ЦК КПСС от 17.10.83 г. «О фактах необоснованного отвлечения трудящихся с производства».
61. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня / под ред. Е.С. Строева. М.: Колос, 2001. 620 с.
62. Безнин М.А., Димони Т.М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 42–60.

References

1. Beznin, M.A., Dimoni, T.M. & Gulin, K.A. (2021) *Ekonomicheskiy stroy Rossii 1950–1980-kh godov* [The economic system of Russia in the 1950s–1980s]. Vologda: VoSU.
2. Stoletova, A.S. (2021) Razmezhevanie proizvodstvennogo sotsiума v usloviyakh novoy obydenosti 1950-kh gg. (na primere pisem rabochikh v TsK KPSS) [The differentiation of the industrial society in the context of the new everyday life of the 1950s (based on workers' letters to the CPSU Central Committee)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 2(21). pp. 17–21.
3. Stoletova, A.S. (2023) Nizovoy segment proizvodstvennogo sotsiума Rossii v 1950–1960-e gg.: istochniki po probleme vospriyatiya sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo neravnopraviya [The grass-roots segment of Russia's industrial society in the 1950s–1960s: sources on the problem of the perception of socio-economic and political inequality]. *Vestnik arkhivista*. 1. pp. 233–248. doi: 10.28995/2073-0101-2023-1-233-248.
4. Zdravomyslov, A.G. & Yadov, V.A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the USSR and after]. 2nd ed. Moscow: Aspekt-press.
5. Sagatelyan, I.G. (2001) *Sovetskaya promyshlennost': problemy sorevnovaniya i motivatsii truda (1960–1970 gg.)* [Soviet industry: problems of competition and labor motivation (1960–1970)]. Moscow: Zvezdopad.
6. Lebskiy, M.A. (2021) *Rabochiy klass SSSR: zhizn' v usloviyakh promyshlennogo paternalizma* [The working class of the USSR: life under conditions of industrial paternalism]. Moscow: Gorizonta'. (In Russian).
7. Andreeva, E.Yu. (2019) Trud i perekur v iskusstve SSSR 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Work and smoke breaks in the art of the USSR from the 1940s to the early 1960s]. *Logos: filosofsko-literaturnyy zhurnal*. 29 (1 (128)). pp. 233–242.
8. Vorobyeva, M.V. (2020) Ob al'ternativnom tolkovanii truda i ego reprezentatsiyakh v sovetskom kino 1950-1960-kh gg. [On the alternative interpretation of labor and its representations in Soviet cinema of the 1950s-1960s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 26 (4(201)). pp. 84–92.
9. Dmitrienko, T.S. (2022) Trud i chelovek truda v literature i iskusstve [Labor and the working person in literature and art]. In: Lazareva, E.A. (ed.) *Chelovek truda i nauka* [The working person and science]. Part 2. Novocherkassk. pp. 76–81.
10. Gurova, O.Yu. (2005) Ideologiya potrebleniya v sovetskom obshchestve [The ideology of consumption in Soviet society]. *Sotsiologicheskyy zhurnal*. 4. pp. 117–131.
11. Meteleva, S.S. (2013) Transformatsiya tsennostey: ot sovetskogo cheloveka k cheloveku obshchestva potrebleniya [Transformation of values: from Soviet man to the man of consumer society]. *Voprosy kul'turologii*. 1. pp. 42–47.
12. Pertsev, V.A. (2017) Razrabotka i realizatsiya v sovetskom gosudarstve kontseptsii obshchestva potrebleniya v 1950–1960-e gg. [Development and implementation of the consumer society concept in the Soviet state in the 1950s–1960s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 8. pp. 110–113.
13. Sinitsyn, F.L. (2021) Formirovaniye "obshchestva potrebleniya" v SSSR: ideologicheskiy vyzov dlya vlasti (1964–1982 gg.) [The formation of a "consumer society" in the USSR: an ideological challenge for the authorities (1964–1982)]. *Vestnik VolGU. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 26 (3). pp. 84–94.
14. Bukin, S.S. (1984) *Zhiznenny uroven' rabochey sem'i v Sibiri (1946–1960 gg.)* [The standard of living of a working family in Siberia (1946–1960)]. Novosibirsk: Nauka.
15. Antonov, V.D. (1990) *Samosoznanie sovetskogo rabochego kak faktor trudovoy deyatel'nosti* [The self-awareness of the Soviet worker as a factor in labor activity]. PhD abstract. Moscow.
16. State Archive of Arkhangel'sk Oblast. Fund 741. List 1. File 159. Pages 2–31. *Minutes of the general meeting of writers of the Arkhangel'sk branch of the Writers' Union of the RSFSR, January 16, 1961*. (In Russian).
17. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 36. File 155. Pages 220–222. *On the second plenum of the board of the Writers' Union of the RSFSR*. (In Russian).
18. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund P-9645. List 1. File 1. Pages 1–4. *Minutes of open party meeting No. 4 of the party organization at the Vologda writers' organization, January 28, 1975*. (In Russian).
19. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund P-9645. List 1. File 1. Pages 5–7. *Minutes No. 5 of the open party meeting of the Vologda writers' organization, February 21, 1975*. (In Russian).
20. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund P-9645. List 1. File 1. Pages 15–16. *Minutes No. 10 of the open party meeting of the Vologda writers' organization, July 21, 1975*. (In Russian).
21. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund 5081. List 1. File 195. *Speeches at meetings in the Vologda Regional Committee of the Party, Regional Executive Committee. 22 sheets*. (In Russian).
22. Poluyanov, I.D. (1956) *Biblioteka lespromkhozа i ee chitateli* [The library of the timber industry enterprise and its readers]. Arkhangel'sk.
23. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund 5081. List 1. File 1443. *Letters of Yashin Aleksandr Yakovlevich to Gura V.V. 41 sheets*. (In Russian).
24. Fokin, A. (2012) "Obizhaetsya narod, malo partiya daet" ["The people are offended, the party gives little"]. *Rodina*. 3. pp. 154–156.
25. Ermachkov, S. (1950) "Stakhanovskiy chetverg" ["Stakhanovite Thursday"]. *Krasnyy Sever*. 18 December. p. 4.
26. Volkov, N. (1952) Nachal'nik fabriki [The factory manager]. *Krasnyy Sever*. 13 July. p. 2.
27. Beloglazov, B.S. (1960) *Kabinet politprosveshcheniya na zavode* [The political education office at the plant]. Vologda.
28. Volkov, N. (1963) Dve trudovye knizhki [Two work record books]. *Bloknot agitatora*. 22. pp. 38–48.
29. Burakov, A. (1959) Prostoy truzhenik [A simple worker]. *Krasnyy Sever*. 5 July. p. 2.
30. Savkin, V. (1959) Rabochiy chelovek [A working man]. In: *Vstuplenie v zhizn'* [Entry into life]. Vologda. pp. 13–19.

31. Rodicheva, M. (1960) *Brigada kommunisticheskogo truda Zoi Korablevoy* [The communist labor brigade of Zoya Korableva]. Vologda.
32. Krasnyy Sever. (1963) Slovo brigady A. Budilova [The word of A. Budilov's brigade]. *Krasnyy Sever*. 17 January. p. 1.
33. *Vologodskiy komsomolets*. (1961) Dva pis'ma na vazhnuyu temu [Two letters on an important topic]. *Vologodskiy komsomolets*. 28 March. p. 2.
34. Pompeev, Yu.A. (1983) *Zhizn' na vidu* [Life in plain sight]. Moscow: Politizdat.
35. Shvetsova, R. (1962) Nastoyashchiy kommunist [A true communist]. In: Gulyaev, K.N. et al. (eds) *My stroim kommunizm* [We are building communism]. Vologda: Knizhnoe izdatel'stvo.
36. Alferyev, N. (1973) Rabochaya sovest' [Workers' conscience]. *Krasnyy Sever*. 4 September. p. 2.
37. Zhukov, V. (1973) Postoyannye sputniki [Constant companions]. *Krasnyy Sever*. 5 December. p. 2.
38. Zhukov, V. (1974) V edinstve form i metodov [In the unity of forms and methods]. *Krasnyy Sever*. 7 December. p. 2.
39. Krasnyy Sever. (1974) Sovetskiy obraz zhizni [The Soviet way of life]. *Krasnyy Sever*. 7 December. p. 1.
40. Beloglazov, B. (1969) Nastavniki [Mentors]. *Krasnyy Sever*. 6 August. p. 2.
41. Konishchev, Yu. (1979) Klyuchi dlya novosel'ya: Razmyshleniya brigadira o npravstvennoy otvetstvennosti stroiteley [Keys for a housewarming: Reflections of a brigade leader on the moral responsibility of builders]. *Sovetskaya Rossiya*. 30 March. p. 2.
42. Varyukhichev, A. (1980) "Obrashchat' v svoyu veru!.." ["Convert to your own faith!.."]. *Politicheskaya agitatsiya*. 4. pp. 21–25.
43. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 72. Pages 153–155. *Information on the results of holding open party meetings with the agenda "To live, work and fight in the Leninist way, in the communist way" in the Vologda Regional Party Organization*. (In Russian).
44. Zdravomyslov, A.G. et al. (eds) (1967) *Chelovek i ego rabota: Sotsiologicheskoe issledovanie* [Man and his work: A sociological study]. Moscow.
45. Khoroshin, F. (1964) Zarabotnaya plata na predpriyatiyakh [Wages at enterprises]. *Krasnyy Sever*. 18 February. p. 3.
46. Popov, V. (1978) V trude – soborniki [At work – rivals]. *Krasnyy Sever*. 1 April. p. 2.
47. Krasnyy Sever. (1973) Sorevnovanie: pochemu ne vseгда оно effektivno [Competition: why it is not always effective]. *Krasnyy Sever*. 18 September. p. 3.
48. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 5. File 267. Pages 76–77. Molchanov, V. (correspondent of the newspaper "Molot"). *Utrata otvetstvennosti* [Loss of responsibility]. July 3, 1973.
49. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 135. Pages 86–94. *Letters to the General Department of the CPSU Central Committee for 1955*. (In Russian).
50. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 64. File 275. Pages 12–20. *Summary of shortcomings in the supply of essential food products to the population*. (In Russian).
51. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 285. Pages 47–59. *Information from the CPSU Central Committee on the nature of letters and statements from workers received by the CPSU Central Committee*. (In Russian).
52. Bokovikov, M. (1968) Tsena rabochikh minut: Reyd "Krasnogo Severa" po tsekhkh Vologodskogo vagonnogo depo [The cost of working minutes: A raid by "Krasnyy Sever" through the workshops of the Vologda railway carriage depot]. *Krasnyy Sever*. 28 April. p. 1.
53. Varyukhichev, A. (1968) Rabotyaga? Net, rabochiy! [A workhorse? No, a worker!]. *Vologodskiy komsomolets*. 29 September. p. 2.
54. Zadumkin, N. (1974) Vremya, vremya... [Time, time...]. *Krasnyy Sever*. 6 August. p. 3.
55. Uvalentov, M. (1974) Letunam – stop! [Stop the job-hoppers!]. *Krasnyy Sever*. 6 August. p. 3.
56. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 2178. Pages 34–47. *On letters from workers received by the CPSU Central Committee on issues of economy and thrift in the national economy*. (In Russian).
57. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 456. Pages 29–45. *Reference based on research materials on the problem of combating persons evading socially useful labor and leading an anti-social, parasitic lifestyle (parasitism, vagrancy and begging)*. (In Russian).
58. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 72. Pages 153–155. *Information on the results of holding open party meetings with the agenda "To live, work and fight in the Leninist way, in the communist way" in the Vologda Regional Party Organization*. (In Russian).
59. Pigin, V. (1983) Rabochee vremya – rabote! [Working time – for work!]. *Krasnyy Sever*. 12 January. p. 2.
60. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 90. File 412. Pages 1–2, 21–24. *Copy of a note from the department, information from ministries and departments on the implementation of the CPSU Central Committee resolution of October 17, 1983 "On facts of unjustified distraction of workers from production"*. (In Russian).
61. Stroev, E.S. (ed.) (2001) *Mnogoukladnaya agrarnaya ekonomika i rossiyskaya derevnya* [A multi-structured agrarian economy and the Russian village]. Moscow: Kolos.
62. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2020) "Nadproduzvodstvennyy" menedzhment v sovetskoй ekonomike (1930–1980-e gg.) ["Above-production" management in the Soviet economy (1930s–1980s)]. *Voprosy istorii*. 10-2. pp. 42–60.

Информация об авторе:

Столетова А.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина (Вологда, Россия); доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Stoletova, Cand. Sci. (History), associate professor, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation); associate professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025;
одобрена после рецензирования 1.05.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 19.02.2025;
approved after reviewing 1.05.2025; accepted for publication 10.10.2025.